

УДК 94(3)

**ПИФАГОР И АЛКВИАД НА РИМСКОМ ФОРУМЕ:
РИМСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ IV–III вв. до н. э. В КОНТЕКСТЕ
СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОЙНЕ**

© 2013 г.

В.А. Квашинин

Вологодский государственный педагогический университет

kvashninv195@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Исследуется проблема культурного влияния греческих полисов Южной Италии на Рим на примере статуй Пифагора и Алквиада, установленных на римском Форуме на рубеже IV–III вв. до н. э.

Ключевые слова: история Рима, идеология, идентичность, пифагореизм, самниты, Тарент.

В античной традиции сохранилось любопытное свидетельство, приоткрывающее некоторые стороны интеллектуальной атмосферы римского общества конца III в. до н. э.¹, его политических, культурных и идеологических запросов. Согласно Плинию и Плутарху, в период Самнитских войн на Форуме были установлены статуи двум грекам – «мудрейшему» Пифагору и «мужественнейшему» Алквиаду (Plin.NH. XXXIV. 26; Plut. Numa. 8. 20). Статуи находились там более двух столетий и исчезли при реконструкции Комиция в эпоху Суллы [1, р. 555]. Как сообщают источники, скульптурные образы выдающихся греков появились на Форуме после прорицания, сделанного дельфийским оракулом, что позволяет связать это событие с посольством Рима в Дельфы после поражения в Кавдинском ущелье [1, р. 554; 2, р. 122; 3, р. 70]. В этой связи важным является вопрос о времени установки статуй Пифагора и Алквиада в Риме, поскольку Плиний описывает это событие слишком неопределенно (*belloSamniti*), что позволяет датировать его любым промежутком довольно продолжительного периода с 343 по 290 гг. По мнению Э. Салмона, статуя Алквиада была установлена в 343–341 гг., поскольку после 334 г. куда привлекательнее для римлян должен был стать образ Александра Македонского [4, р. 199–200]. Впрочем, как полагает М. Юм, в глазах Рима Александр не был греком, так же как Македония не являлась частью Эллады, в связи с чем посвящение на статуе не могло быть отнесено к нему [1, р. 555]. А. Ла Пенна высказывает предположение, что статуя Алквиада была изготовлена не в Риме, а доставлена из Южной Италии, возможно, как один из трофеев после падения Тарента в 272 г. [5, р. 389 f.]. Однако это

вызывает сомнения с точки зрения хронологии, поскольку противоречит связи с Самнитскими войнами, содержащейся у Плиния. Т.П. Вайзмен связывает установку статуй Пифагора и Алквиада с перестройкой Комиция, начатой консулом 338 г. Гаем Мением [3, р. 70]. Ф. Коарелли на основе археологического материала, который дали раскопки на Форуме, указывает на более позднюю дату, ок. 300 г. [2, р. 149]. Последняя датировка выглядит более логичной в свете построений М. Юма и Э. Денч, оставляя промежуток в 20–30 лет, необходимый для усвоения римским обществом новой идеологии. Хотя Ф. Коарелли связывает установку статуй с деятельностью Гая Марция Цензорина [2, р. 122–123], нам представляется, ближе к истине М. Юм, согласно которому их появление в Риме было связано с личностью Аппия Клавдия Цека [1, р. 556–557]. Исследователь справедливо замечает, что трудно видеть в статуях Алквиада и Пифагора изначально римский выбор, скорее речь должна идти о трансляции в Рим политических, культурных и идеологических моделей из греческих городов Южной Италии. Выбор этих статуй указывает на культурное влияние Великой Греции в целом и пифагореизма в частности, что, в свою очередь, заставляет обратить внимание на политическое и культурное значение Тарента, апогей влияния которого приходится на конец IV в. [6, р. 345–349; 1, р. 556].

Следует отметить, что выбор, сделанный римлянами, вызывал некоторое недоумение уже у древних авторов. Плиний, к примеру, удивлялся, почему римские сенаторы предпочли Пифагора Сократу (NH.XXXIV. 12. 26). Поэтому вполне закономерно, что современные исследователи зачастую пребывают в растерянно-

сти, будучи не в силах объяснить римский выбор греческих героев. Так, К.-Й. Хелькескамп в одной из своих работ удивляется «более чем странному выбору для представления самого храброго из греков» [7, р. 27]. Чем же был вызван всплеск интереса римлян к тому, что на языке культурологи можно обозначить как греческие культурные коды и символы? Очевидно, что этот интерес носил не только индивидуальный, но и коллективный характер, на что указывает размещение статуи Пифагора в месте, являвшемся архитектурной, сакральной и политической доминантой городского пространства Рима [8, р. 362]. В качестве возможного объяснения следует указать на переломный характер последней трети IV в., когда была проведена целая серия реформ, связанных с перестройкой архитектурного пространства Форума, социальными преобразованиями, изменениями в области юриспруденции и др. Как отмечает тот же К.-Й. Хелькескамп, новые явления в жизни римской общины были наглядно представлены столь же новыми архитектурными формами². Величие нового Рима подчеркивал перестроенный около 310 г. Форум и монументы, такие как статуя Геркулеса на Капитолии, возведенная в 305 г. [2, р. 87 f., 140 f.]. В это же время возникает традиция запечатлевать победы успешных полководцев: ростры Гая Мения в 338 г., золотые щиты Луция Папирия Курсора на новом Форуме в 310 г., статуя Юпитера, изготовленная из самнитских доспехов по распоряжению Спурия Карвилия, консула 293 г. (Liv.VIII. 14. 12, IX. 40. 16) [10, р. 318–323; 11, S. 233–237]. В последнее десятилетие IV в. начинают возводиться статуи консулов и полководцев, призванные подчеркнуть и прославить их достижения (Гая Мения, консула 338 г., Гая Марция Тремула, консула 306 г. и др.) [7, р. 28]. Появляются новые храмы, посвященные божествам, обеспечивавшим победу Рима: Беллоне, Salus, Fors Fortuna, Юпитеру Победителю и Виктории, возведенные в течение одного десятилетия, между 302 и 293 гг. Следует отметить, что схожие процессы прослеживаются и в Таренте. Усиливающаяся милитаризация и растущие амбиции полиса, ставшего главой Итальянской лиги, находят свое отражение в украшении города с конца IV в. статуями, несущими вполне определенную смысловую нагрузку: статуя Ники школы Лисиппа, огромная статуя Зевса Громовержца работы самого Лисиппа, статуя Ареса в доспехах и др. [12, р. 151–152].

Происходившие в различных сферах жизни Рима перемены в значительной мере следует связывать с влиянием южноиталийского пифа-

гореизма, под оболочкой которого происходил перенос новых представлений и форм, необходимых для «модернизации» римского общества [13; 14; 15; 16, с. 117, 126–127]. По мнению Э. Денч, появление на Форуме статуи Пифагора указывает помимо прочего на то, что в Риме в этот период развивается собственная модель «умеренности» в противовес самнитской [17, р. 137]. Римляне воспользовались идеей спартанского происхождения самнитов, разработанной в Таренте, перенесли ее на собственную историю. В результате она легла в основу представления о спартанском происхождении сабинов, объединившихся с римлянами в эпоху первых царей [16, с. 118]. В позднейшей римской идеологии сабины прочно ассоциировались с крестьянским трудом и сельским образом жизни, резко контрастировавшим с рафинированным городским бытом Рима³. Противопоставление города и села стало важной частью официальной идеологии, позволявшей выделить этническую и культурную специфику народов Центральной Италии и объяснить причины успеха римлян как «имперского» народа⁴.

Менее понятна роль Алкивиада в этот период. Характерная для этого политика двусмысленность и неопределенность позволили исследователям высказать целый ряд диаметрально противоположных догадок и предположений. С одной стороны, Алкивиад был выдающимся афинским политиком и полководцем, важной составляющей имперского имиджа Афин. Как полагает Т.П. Вайзмен, эстравагантный и харизматичный аристократ Алкивиад как никто выразил «имперский» дух Афин, которые в конце IV в. были примером для Рима [3, р. 70]. В период военного противостояния в Самнии и Великой Греции образ Алкивиада мог быть востребован Римом в качестве противовеса самнитам, которые с подачи Тарента обрели спартанскую «идентичность» [21, р. 62–68; 22, р. 272]. Отождествление Рима с Афинами могло строиться, таким образом, на противопоставлении связке самниты – (тарентинцы) – спартанцы⁵. С другой стороны, Алкивиад не только долгое время находился на службе у спартанцев, но и жил в Спарте, которая в греческой общественной мысли воплощала идеал правильно организованного «умеренного» общества (Plut.Alk. 23). В таком свете пара Пифагор–Алкивиад предстает олицетворением двух истоков единой философской традиции, окончательно соединившейся в позднем пифагореизме, один из которых берет свое начало в Афинах, а другой – в Таренте. Наконец, фигура Алкивиада, вдохновителя и организатора Сицилийской экспеди-

ции, в ходе которой он, однако, покинул афинскую армию, может являться указанием на сложные взаимоотношения Рима, Тарента, представляющего греческие полисы южной Италии, и Сиракуз, против которых в свое время и была организована Сицилийская экспедиция⁶. По мнению ряда исследователей, если Пифагор олицетворял связи Рима с Тарентом, то Алкивиад – с Фуриями, афинской колонией, расположенной в Тарентском заливе [23, S. 93–94; 2, p. 121; 6, p. 348]. Фурии были стратегически важным звеном римской политики в Южной Италии, причем, в качестве противовеса не только союзника самнитов Тарента, но и влиятельным Сиракузам [16, с. 119]. Как полагают А. Альфельди, Ж.-П. Мартэн, М. Юм, Алкивиад стал символом антисиракузских настроений греческих полисов Южной Италии [24, p. 346; 25, p. 16–17; 6, p. 348–349, n. 36]. В любом случае, фигура Алкивиада явно оказалась востребованной в политических реалиях Великой Греции конца IV в., что позволяет объяснить ее актуальность и для Рима этого времени [26, с. 427–428]. Вероятно, правы те исследователи, которые указывают на то, что военно-политические взаимоотношения Рима с самнитами, Тарентом, Фуриями и Сиракузами стимулировали в конце IV в. его контакты с наиболее влиятельными полисами Балканской Греции – Афинами и Дельфами [16, с. 120]⁷.

Хотя установка статуй Пифагора и Алкивиада в Риме явно произошла под влиянием греческих политико-идеологических моделей, это вовсе не означает, что сами римляне не вкладывали определенный смысл в этот выбор. Более того, можно предположить, что даже спустя столетия они прекрасно осознавали определенный смысл (вероятно, здесь уместно употребить популярный в англоязычной литературе термин *message*), заложенный в сам факт установки статуй греческих героев. Говоря иначе, древние авторы отчетливо представляли, что за установкой этих статуй скрывается определенная игра культурными кодами и символами, греческими по происхождению, подвергавшимися по мере усвоения их в Риме реинтерпретации. В данном случае показательно, что из сотен статуй, находившихся на Форуме, внимание Плиния и Плутарха, уже не заставших их там, привлекли именно эти статуи. В этой связи заслуживает внимание попытка М. Юма расшифровать семантику образов Пифагора и Алкивиада в контексте как политических условий конца IV в., так и римской культурной традиции. По его мнению, статуя Пифагора, помещенная в самом сердце Рима,

должна была олицетворять такое качество, как *prudencia*, которым должен был обладать политический деятель, претендующий на руководство общиной. Фигура Алкивиада, с римской точки зрения, была олицетворением молодости и, как следствие, таких качеств, как мужество и храбрость в бою. Она была наглядным воплощением мужества и силы *iuvenes*, представлявших военную мощь римского народа, тогда как фигура Пифагора олицетворяла мудрость *seniores*, заседавших в сенате. Место, где были поставлены статуи, соединяло Комиций и курию, символически представлявших народ и сенат. Установка этих статуй в конце IV в., самое позднее в начале III в. имела политическое и идеологическое значение: оно наглядно демонстрировало «принятие частью римской элиты моделей политической репрезентации греческого происхождения с явным пифагорейским следом» [1, p. 558–559].

Следует заметить, что две этих фигуры совсем не обязательно должны были выступать в качестве антитезы друг другу, на что справедливо обратил внимание М. Юм, а задолго до него – Л. Ферреро [27, p. 138–142]. Как мы попытались показать, и Пифагор, и Алкивиад в равной степени могли выступать как персонификация пифагорейского идеала умеренности. Опора на различные символы греческого мира означала для Рима возможность как лавировать между различными центрами влияния, так и претендовать на собственное место не только в политическом, но и культурном пространстве. Обратим внимание на то, что Фурии были основаны в 444–443 гг. на месте Сибариса, разрушенного в 510 г. Кротоном, который, в свою очередь, стал второй родиной для Пифагора во время его пребывания в Италии. Жители Сибариса были настолько известны своей тягой к роскоши и комфорту, что само их имя стало нарицательным, обозначая вполне определенный образ жизни. Любопытно, что позднее Кротон был взят войсками Публия Корнелия Руфина, подвергнутого цензорскому наказанию за тягу к роскоши. Таким образом, за переплетениями политических интересов различных сил в Южной Италии мы можем обнаружить культурный или, точнее, идеологический контекст, возвращающий нас к интересной и перспективной для дальнейшего исследования проблеме распространения концепции «умеренности» в Риме, породившей помимо прочего знаменитые законы о роскоши, ставшие важным элементом образа позднереспубликанского Рима как для соседей, так и самих римлян.

Примечания

1. Далее все даты – до н. э.
2. В отечественной литературе независимо от немецкого исследователя эта мысль была высказана на конференции Российской ассоциации антиковедов 1996 г. Б.С. Ляпустиным [9, с. 234–243].
3. В этой связи вполне объяснимым выглядит парадокс, отмеченный Э. Салмоном. Суть его заключается в том, что, несмотря на длительный период военного противостояния, в римской традиции самниты выступают в роли защитников римских моральных и культурных ценностей, а геополитически – как буферная зона между Римом и разлагающим влиянием греческих городов Южной Италии [4, р. 400. п. 68). Об амбивалентности этнокультурного облика самнитов в римской традиции, предстающих как приверженцами умеренности, так и носителями роскоши, см. [17, р. 132–133].
4. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с еще одной афинской идеологией, унаследованной Римом. О противопоставлении городской и сельской жизни с акцентом на моральном превосходстве последней в афинской литературе см. [18, р. 112–114].
5. А.В. Коптев высказывает сомнения в построениях Э. Денч, указывая на то, что аналогия между римско-самнитским и афинско-спартанским противостоянием могла быть актуальной лишь в контексте греческой культуры. Как предполагает исследователь, данная идея была озвучена при заключении мирного договора Рима с самнитами и Тарентом в 304 г. до н.э. «Тарентинским грекам, близким Спарте, далекий Рим мог казаться аналогией далеким Афинам. Алкивиад в таком случае символизировал благосклонность руководимого им государства к Спарте и Таренту. При всей логичности эта идея выглядит абстрактной, если полагать, что Рим, надев на себя маску италийских Афин, не предпринимал никаких конкретных шагов к установлению связей с реальным прототипом своего нового имиджа», – отмечает автор [16, с. 119].
6. Как отмечает М. Юм, влияние на италийскую аристократию афинских моделей, как и пропаганды, направленной против Сиракуз, было обусловлено эпохой, вместившей «Сицилийскую экспедицию» Афин, экспансионизм Дионисия и натиск Рима на центральные и южные области Италии [1, р. 557].
7. Как сообщает Плиний, именно дельфийский оракул (ApolloPythius) рекомендовал Риму приобрести статуи Пифагора и Алкивиада (Plin.NH.XXXIV.26).

Список литературы

1. Humm M. Appius Claudius Caecus. La république accomplie. Roma: École française de Rome, 2005. 779 p.
2. Coarelli F. Il foro Romano: Periodo repubblicano e augusteo. Т. II. Roma: Quasar, 1985. 351 p.
3. Wiseman T.P. The Myths of Rome. Exeter: University of Exeter Press, 2004. 389 p.
4. Salmon E.T. Samnium and Samnites. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. 460 p.

5. La Penna A. Aspetti e momenti della cultura letteraria // Magna Grecia nell'età romana. Napoli, 1976. P. 387–438.
6. Humm M. Les origines du Pythagorisme romain: problèmes historiques et philosophiques // Les Études Classiques. 1996. Vol. 64. P. 345–349.
7. Hölkeskamp K.-J. Conquest, Competition and Consensus: Roman Expansion in Italy and the Rise of the Nobilitas // Historia. 1993. Bd. 42. Hft 42. 1. P. 12–39.
8. Forsythe G. A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2006. 400 p.
9. Ляпустин Б.С. Фамилия и римская civitas в III в. до н. э.: пути развития // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 234–243.
10. Hölscher T. Die Anfänge römischer Repräsentationskunst // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. 1978. Bd. 85. S. 315–357.
11. Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität. Stuttgart; Steiner 1987. 344 S.
12. Eckstein A. M. Mediterranean Anarchy, Interstate War and the Rise of Rome. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2006. 369 p.
13. Humm M. Appius Claudius Caecus et l'influence du pythagorisme à Rome, fin 4-e – début 3-e siècles av. J.-C. // Le pythagorisme en milieu romain. Actes des sixièmes Rencontres scientifiques de Luxembourg / Ed. C.M. Ternes. Luxembourg, 1998. P. 53–80.
14. Humm M. Le Comitium du Forum Romanum et la réforme des tribus d'Appius Claudius Caecus // Mélanges de l'école française de Rome, Antiquité. 1999. Vol. III. P. 625–694.
15. Humm M. Numa et Pythagore: vie et mort d'un mythe // Images d'origines, origines d'une image: Hommages à Jacques Poucet. Louvain-la-Neuve, 2004. P. 125–137.
16. Коптев А.В. Тимей из Тавромения в контексте глобализации античного Средиземноморья // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 6. СПб., 2007. С. 89–128.
17. Dench E. Austerity, Excess, Success and Failure in Hellenistic and Early Imperial Italy // Parchments of Gender: Deciphering the Bodies of Antiquity / Ed. by M. Wyke. Oxford, 1998. P. 121–146.
18. Dover K. J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Berkeley: University of California Press, 1974. 430 p.
19. MacMullen R. Roman Social Relations 50 B.C. to A.D. 284. New Haven; London: Yale University Press, 1974. 212 p.
20. Wallace-Hadrill A. Elites and Trade in the Roman Town // City and Country in the Ancient World / Ed. by J. Rich, A. Wallace-Hadrill. L.; N. Y., 1991. P. 241–272.
21. Dench E. From Barbarians to New Men: Greek, Roman, and Modern Perceptions of Peoples from the Central Apennines. Oxford: Clarendon Press, 1995. 255 p.
22. Dench E. Romulus' Asylum: Roman Identities from the Age of Alexander to Age of Hadrian. Oxford: Oxford University Press, 2005. 454 p.
23. Vessberg O. Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik. Lund: C.W.K. Gleerup, 1941. 304 S.

24. Alföldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965. 433 p.

25. Martin J.-P. L'idée de royauté à Rome. Т. II. Clermont-Ferrand: Adosa, 1994. 511 p.

26. Моммзен Т. История Рима. Пер. с нем. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1936. 891 с.

27. Ferrero L. Storiadeipitagorismoneimondoromano. Torino:Giappichelli, 1955. 430 p.

Статья является расширенной версией доклада, прочитанного на Международной научной конференции «XIII научные чтения памяти проф. Н.П. Соколова: Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени». Автор выражает глубокую признательность всем коллегам, участвовавшим в обсуждении доклада.

PYTHAGORAS AND ALCIBIADES IN THE ROMAN FORUM: ROMAN IDEOLOGEMES OF THE 4TH-3RD CENTURIES B.C. IN THE CONTEXT OF MEDITERRANEAN CULTURAL KOINE

V.A. Kvashnin

This paper explores the cultural impact of Greek city-states of southern Italy on Rome in the 4th-3rd centuries B.C., based on the example of the sculptures of Pythagoras and Alcibiades set up in the Roman Forum during the period of the Middle Republic.

Keywords: history of Rome, ideology, identity, Pythagoreanism, Samnites, Tarentum.